

Ү ЗЫ ГИМНЕНЯ

**СЕРГЕЮ ОРЕХОВУ
И
НАДЕЖДЕ ТИШИНИНОВОЙ**
(посвящается)

Конь летит дорогою степною,
За кибиткой – пыль или туман.
А вдали, за синей пеленою
Ходит песня в таборе цыган.

Далеко плывёт мотив старинный,
От него хмелеет голова,
И пропахли горечью полынной
Над костром парящие слова.

Не мечта ли это, в самом деле?
Отчего ж дорогою степной
Мы в кибитке мимо пролетели,
Пронеслись куда-то стороной?

Не брани разбитую дорогу,
Не гони усталого коня.
Утоли сердечную тревогу
Колдовством гитарного огня!

И пускай летит мотив старинный,
И пускай хмелеет голова,
И волнуют горечью полынной
Сквозь года летящие слова!

Юрий Паркаев

на, жена его, Надежда Андреевна Тишинина, явилась к нему со своей нелёгкой судьбой. Из провинциального Белгорода, не имея музыкального образования, без серьёзных связей, с изломанным детством и юностью – семья её была репрессирована, сослана на Север и брошена с малыми шансами на выживание. Отсюда, может быть, и некоторая тяжеловесность характера, с практицизмом человека привыкшего к неожиданным, не всегда ласковым сюрпризам жизни, с упорством в достижении цели, когда в жертву приносится и зачёркивается изначальный романтизм. Она так же, как и её будущий муж, в полной мере вкусила «радостей» скудного неустроенного быта, который не был сдобрен не только мёдом, но и патокой.

В Москве оказалась с цыганско-эстрадной группой. Эти группы принимались в городках и весях из-за цыганской, или чаще, псевдоцыганской, экзотики. Только так можно было подзаработать, ибо в Москве большинство не только нищ, но и ячеек, основательно и давно заняты понаторевшими в интригах «звездами», крепко оседлавшие те дойные места, а что в остатке, то тусовалось в карусели блатной иерархии чиновников от искусства.

Она, уже не юная, чтобы с лёгкостью воспринимать игры в везенье-невезенье, оказалась в Москве. Огромном и беспощадном городе, сама по себе и фактически бездомной. Конечно, любовь – это прекрасно, но проза жизни тупа и настёрна, подхихкивая, с идиотским смешком, тычет в твою сторону обрезком былых мечтаний...

И он, замороженный звуками гитары, смутно различал звуки окружающей жизни, полные невесёлой трезвости.

Как поведала сама Надежда Андреевна, впервые она увидела Сергея на очередном грандиозном банкете, среди великого застолья, когда вино и дружба вкушаются по полной мере. Всем всего доставало, только Сергей,

аккомпанируя себе на гитаре, пел романс на стихи Есенина «Клён ты мой опавший» и слезы лились из его глаз обильно и непроизвольно. Что его так растрогало во время лихого пиршества?.. Какой отточенной интонацией полоснуло по душе?.. Сергей не был излишне сентиментальным и слёз понапрасну не лил.

«Я тогда его почти не заметила, – поделилась Надежда, – хотя мне указали на него как на выдающегося гитариста. Затем мы встретились на репетиции, где принимал участие и Сергей. В перерыве он самозабвенно играл будто бы для самого себя, но глаза его при этом сияли восторгом и радостью. Играл он что-то из Высоцкого, кажется «Пряху»... Через несколько дней мы поженились. Это случилось в 1965 году... »

Брак стремительно-внезапный, и потому скорее творческий союз, чем собственно брак, да и складывался он поначалу на фиктивной основе. Явная «непритёртость», когда не обозначены даже лёгким пунктиром слабости и достоинства брачующихся. Тут ситуацию должны разрешить дети, которых не случилось. Говорят, нет детей – нет семьи. Устойчивой. У многих куча детей, а он, или она, идут на опохмелъе после запоя любви и забывают, между тем, дорогу назад, в свой семейный рай. А есть пары и без детей, что лебеди, или «старосветские помещики»... Да что там – рецептура семьи самая сложная и дорогая...

Он же не только не был ловеласом, но и вообще плохо разбирался в тайнах женской души. Его могла привлечь красивая внешность. На время. Его могла привлечь юность. Для игры в загадки. Женская душа не гитара – последнюю он знал неизмеримо больше.

Как признался мне: пребывая с гастролями чуть ли не на Дальнем Востоке, после вечернего концерта, откушав дозу портвейна, или что-то покрепче, гулял с девой по ночному городу. Оступившись, упал в глубокую яму, вырытую, как всегда, по случаю. Вдобавок сверху

на него свалилось и нечто тяжёлое, вроде бревна. Сам от потрясения и хмельного состояния выбраться не смог. Только утром, с помощью той пассии, ему удалось выбраться из западни.

– А ведь не ушла, – сказал он с восхищением, всю ночь просидела на краю ямы!..

Ах, Сергей Дмитриевич, – жизнь была другой. Много юмора, доброжелательности, открытости. Фон алчности и жестокости накапливался исподволь, вроде отдалённой грозы.

Наше амплуа – гулять с той девой всю ночь напролёт, слегка соприкасаясь раскалёнными от упоения руками. А уж если поцелуй – то сладостен до темноты в глазах... Конечно возникала и телесная жажда, но стойкий и честный романтизм побеждал всё. Вздуродраженная плоть могла и подождать. И она ждала...

От наших девочек веяло прохладой целомудрия, а не знойным ветром неоглядно-воспалённого распутства...

Как всякая супружеская пара, Сергей ссорился с женой. По сути или по пустяку. Ссора могла быть и публичной, что выдавало их взрывной и непосредственный характер. Ушлые прячут свои ссоры, чтобы достать их ко времени и в нужный момент, а на виду голубки. Эта пара не такова: эмоциональный взрыв с полным разрывом и несовпадением мнений, чтобы через час общаться как ни в чём не бывало. Он мог упрекать её за неправильную фразировку. И мог быть правым, а может и нет. Во-первых, у неё своё понимание той злосчастной фразы, а во-вторых, инструментальный музыкант всё слышит несколько иначе, чем вокалист, может более абстрагированно. Упрекала и она его, когда увлекаясь импровизациями в аккомпанементе, мог создавать для певца почти непреодолимые трудности. Хорошо, если рядом стоял другой гитарист, поддерживая точно выверенной гармонией. А если нет?...

Случалось и такое. Однажды раздосадованная Тишинова возмущённо заявила, что больше никогда не выйдет с ним на сцену. Вспылил и он, поклявшись, что и сам не будет ей больше аккомпанировать. Потому дескать, что она где-то и как-то неправильно поёт. Нужно заметить при этом, что оба имели успех большой и несомненный. Однако началась перепалка, которая мирно закончилась за столом, где Сергей в очередной раз творил чудеса на гитаре. А было это в издательстве «Советский композитор». Я для чего точно обозначаю адрес того события?.. Потому как слушали Орехова не какие-то поклонники-любители, а маститые редактора-музыканты, «перелопатившие» уйму музыки. Причём, баянисты, знающие не понаслышке толк в импровизациях на народные темы. Наконец, дошло и до «Цыганской венгерки». Тут уж Орехов разошёлся так, что всех привёл в восторг и изумление. Особенно удивительно нестандартными гармониями. Сразу последовала просьба записать всё игранное. Сергей с готовностью согласился. Однако сколько не напоминали ему мы, упирая на данное обещание, всё было напрасно. Мало того, мне больше не довелось услышать его «Венгерку» в той уникальной гармонизации. Чего не наобещаешь и натворишь в угаре творческого самоистязания?..

Тяготился он и частыми гастролями.

– Не поеду я больше никуда! – с отчаяньем и даже надрывом в голосе заявил он как-то Надежде. – Пусть едет, кто захочет... Ну вот Толя, – показал он в мою сторону, – или Борис Хлоповский... Он же прекрасный гитарист!..

– Серёжа, – резонит Надя, – ну кто же придёт на концерт, когда узнает, что с нами нет Сергея Орехова?

Может с желанием польстить, чтобы не обострять ситуацию, а вернее всего – с большой долей правды ...

Конечно же он был не однозначен. Но однозначные страшны своей неумолимой правотой, от которой цепенеет душа и сереет день. Как очень верно заметил ги-

тарист и певец Валентин Стабуров, который знал Орехова и общался с ним с начала его гитарных «страданий»: «мягкий, но очень конкретный. Свой талант, когда желал, тогда и проявлял...» Ну а как иначе?.. Если всюду: как вам угодно! Талант имеет свою сакральную меру, точно очерченную высшими силами...

Кто такой музыкант при певце? В сущности никто, каким бы одаренным он не был. Даже поразительно свободные импровизаторы, носители явного божьего дара. Их тоже не всегда объявляли на сцене и «забывали» обозначить в афише. А певцы-то порою – откровенно посредственные, если не сказать больше – бездари, а в обрамлении виртуозной музыки даже недурно гляделись. Сказанное не относится к Надежде Тишининовой. Она достаточно популярная певица со своим штатом поклонников. Но ведь Сергей Орехов ни при ней, ни при других певцах, не утратил своей значимости и самобытности. Его знали и любили там, где он только появлялся: на сцене и вне её...

Избегая однообразия, он уходил к другим вокалистам. И если Надежду Тишинову раздражала его работа с певцами, то уж с певицами – двойная ревность: профессиональная и женская. Она имела основания для своего протеста. Во-первых, он её муж и у неё на него своё «право собственности», он её музыкант, а своим поступком разрывал творческий союз, за которым зияла дыра, в которую могло уйти всё... Во-вторых, как женщина-жена также имела право на ревность.

Не сближала их и его загульно-хмельная жизнь и бесконечная вереница, по многим параметрам, случайных людей, которые тащили его отзывчивую душу в бездну запойной неволи. Таков он был по своей природе – не мог устоять против соблазна многообразия общений. Однако нужно отдать ему должное – находил в себе силы уходить от угарного состояния на дол-

гие годы. Был период лет пятнадцать, когда он не взял бы капли в рот, даже для святого причастия. В возрасте акмэ, в пик его творческой и физической зрелости, и это отраднo. В то время он нередко приезжал ко мне. А жил я, как говорится, у чёрта на куличиках, то есть у самой кольцевой дороги на Дмитровском шоссе. Приезжал и часами самозабвенно играл на гитаре, попивая крепкий чай, или реже, кофе. А как играл?.. Тогда, а это начало семидесятых, пластинки выпускались на 78 и 33 оборота в минуту. 33 оборота – долгоиграющая. Так он, отпив глоток чаю, устраивал гитарную кутерьму. Нет, это действительно не было игрой на гитаре, это набегающие волны звуков, где каждая волна – девятый вал. Складывалось такое ощущение, что пластинку на 33 оборота ошибочно поставили на 78. И нигде ни кикса, ни треска, ни пустой ноты, только бархатно-теплое звучание гитары во всех позициях, снизу доверху. Нередко, кроме меня, благодарным слушателем становился один из тогдашних моих приятелей, у которого оказался редкий по тем временам портативный магнитофон. И мы потом долго-долго упивались звуками ореховской гитары, утоляя все печали не всегда благозвучного бытия ...

А что касается семейных взаимоотношений Сергея и Надежды, то как сказал поэт Николай Шатров:

И Пушкин был не виноват,
и Натали не виновата...

Не может быть вечного праздника: если праздник каждый день, то он превращается в тризну. Но ведь они прожили вместе более тридцати лет. Из них двадцать на сцене. Прожили лучшие годы своей жизни. Всего доставало: и удач и огорчений, и много-много нелегкой работы. Конечно, их брак начинался как фиктивный – не стал он, по большому счёту, фактическим даже через столько лет совместной жизни. Ставший расхожим афоризм утверждает, что история не знает сослогательно-

го наклонения - человеческая жизнь тоже. Однако этот фиктивный брак может заслонил нужный и желанный фактический. Кто знает ...

Как вспоминает сама Надежда в «Русском романсе»: «Мы прожили вместе 33 года. Гастролировали по всей стране. Я пела сольное отделение – цыганские песни и романсы. Знала массу произведений, и Серёже они нравились, особенно он любил «Только раз бывает в жизни встреча», «Измены нет», «Он уехал». Он садился и делал аккомпанемент. С нами ездил и второй гитарист, потому что Сергей не любил один играть. Он ведь был солист. Играл и классические вещи, перекладывал их себе на семиструнную гитару. Репетировали, как правило, дома. К сожалению, записей не делали – не было у нас тогда магнитофона.

В цыганский театр «Ромэн» нас не раз приглашали. До моего появления в Москве Сергей ведь работал с цыганами. Он настолько вник в цыганское искусство, что его даже стали считать цыганским гитаристом. Цыгане все его обожали, потому что так, как Серёжа, цыганские вещи никто не играл. Я помню, как Серёжа приводил меня к самому Валериану Полякову, чтобы я его послушала – он был очень утончённый, и Сергею это нравилось. Что-то Сергей, может быть, и взял. Он быстро всё схватывал. Как метеор. Но в театр идти – значит, петь в массе, или, в лучшем случае, спеть соло один романс. А на эстраде мы делали целую программу.

Правда, Сергей всё же «связался» с Малым театром, куда его приглашали время от времени выступать в спектаклях, где нужно было играть какую-нибудь красивую музыку. И Орехов с удовольствием ходил туда, потому что в душе был, конечно, артист.

Обычно, если мы отправлялись на гастроли, то давали, как минимум, 60 концертов. В день получалось по два-три выступления. Везде нас принимали хорошо, но случались и парадоксальные ситуации. Так, однаж-

ды, где-то в 70-х годах, приехали мы в какой-то районный центр, как всегда выступили с успехом. После концерта вдруг заходит за кулисы молодой человек и говорит: «Вы больше к нам не приезжайте, мы любим комсомольские песни, а не романсы». Как оказалось был он секретарём обкома комсомола. А в это время работал вместе с нами артист Малого театра Аркадий Вертоградов, он вел нашу программу, читал какие-то репризы. Так вот, он не растерялся и говорит в ответ, мол, я – секретарь парткома Москонцерта! После этого молодой человек сразу переменяет своё отношение к нам резко в положительную сторону.

Когда мы приезжали на гастроли в Магадан, то обычно шли в гости к Вадиму Козину. И там после концерта еще до утра пели. Есть записи, где Козин аккомпанирует себе на рояле, а Сергей Орехов ему играет на гитаре. Мы потом долго переписывались с Козиним.

Несколько раз мой муж выступал в телевизионных программах. Но туда особого доступа для него не было.

С сольными гитарными концертами он побывал во многих странах: в Германии, Польше, Югославии, Франции, но без меня, поскольку я была «невыездная» из-за того, что мои родственники в 20-годы были сосланы на Север. В Польше он с блеском выступил на фестивале гитаристов. После этого Сережу приглашали в Грецию, в США. В Париже он делал записи, но какие – я точно не знаю. В Америке были изданы ноты с романсом «Ямщик» в обработке Орехова. С американцем русского происхождения Матания Офи Орехов познакомился на польском фестивале. После мы подружились, и он с женой не раз приезжал к нам в гости в Москву.

Любопытно, что работать с Ореховым было весьма сложно. Выступал он одно время с Галиной Каревой, ездил с ней даже в заграничные турне – Югославию, Болгарию, Германию. Так после приезда она мне жаловалась: «Надя, как же ты с ним работаешь? Он так много

музыкальных импровизаций делает, что я даже слова забываю». И это было чистой правдой. Когда Сергей выходил на сцену, он настолько входил в образ, в свою игру, что нередко забывал о певце. Но мне с ним работать было легко, говорили, что у нас был шикарный альянс. Правда, случались и у нас творческие споры. Серёжа меня всегда бичевал: «Вот ты поёшь, вокал у тебя – а ты разговаривай, учись слово нести». А я ему говорю: «Вот, когда у меня не будет голоса, тогда буду разговаривать».

Позволю себе слегка вмешаться в их спор. Они вроде бы говорят об одном и том же, а нет: каждый имеет в виду нечто своё и различное. Сергей толкует о слове, правильно произнесённом, которое наполняет фразу не только смыслом, но и тончайшими оттенками настроения и возвышает певца до настоящих высот певческого мастерства. А Надежда, уповая на голос, имеет ввиду бесчисленную череду безголосых певцов да еще и с молчалкой во рту. Тут, будучи правым по существу, Сергей повинен в малом: не смог доходчиво донести, развернуть свою мысль.

«Поклонников у Серёжи было много. Особенно любили его студенты. Стихи ему посвящали. Какие аншлаги были... И билетов не хватало на концерты. К запискам и стихам поклонников он относился безразлично. Даже были конверты, которые он не распечатывал. Я ему говорила: «Прочитай их». А он в ответ: «Некогда мне, не мешай». Он жил музыкой.

Припоминаю такой случай. Как-то вечером слышу музыку, захожу в комнату, а Сергей с гитарой стоит. Я взглянула – на столе лежат вверх ногами ноты, да еще фортепианные, а он стоит и играет прямо с листа на гитаре! Хотела ноты нормально положить, так он как закричит: «Не трогай!» и дальше продолжает играть! Вот такой он был человек.

А помню, идём вечером прогуляться по дорожке, так Сергей идет и всю дорогу молчит. Я прошу: «Ну, скажи хоть слово!» А он в ответ: «Вот сейчас у меня возникла вариация, поскорее домой нужно идти, записать, чтобы не забыть». У него в голове всегда звучала музыка, прямо аккорды звучали. Он записывал ноты, даже не беря гитару в руки. Это был необыкновенный музыкант.

Последние годы Сергей болел, лежал в больницах.

Врачи говорили, что ему нельзя работать. У него появилась сильная одышка. Но без работы он не мог. За день до смерти ему позвонила Татьяна Филимонова, с которой он последнее время нередко выступал, просила его быть на репетиции. От неё он пришел огорченный. И предложил мне начать готовить новую совместную программу. Я просила – Серёжа, побудь дома, отдохни, не езжай никуда. Но он поехал к Валерию Минееву на репетицию. Там и умер».